

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

УДК 364.4

ТЮРКСКИЙ ЯЗЫК В ОФИЦИАЛЬНОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ УЛУСА ДЖУЧИ В XIII СТОЛЕТИИ

Л.Ф. Абзалов

Аннотация

Данная статья посвящена определению роли тюркского языка в официальном делопроизводстве Улуса Джучи. Преобладание тюркоязычного населения, а также тесные этнокультурные контакты между монгольскими и тюркскими племенами и политика Чингизидов в рассматриваемой области способствовали установлению официального статуса тюркского языка в Улусе Джучи уже в XIII столетии.

Ключевые слова: Улус Джучи, тюркоязычное население, делопроизводство.

Основным этническим компонентом Улуса Джучи уже на начальных этапах его развития было тюркоязычное население, именно это обстоятельство предопределило роль тюркского языка в официальном делопроизводстве нового государственного образования. В условиях полиэтничности, особенно из-за численного меньшинства и узости этнолингвистического ареала распространения, монгольский язык не мог выполнять функции средства общения всех народов Еке Монгол улуса¹, в рамках которого первоначально развивался Улус Джучи. Это был язык правящей династии и небольшой части господствующей верхушки.

Применение того или иного языка в канцеляриях правителей Чингизидов зависело от той этноязыковой среды, в которой находились монголы. Ата-Мелик Джувайни, с молодых лет состоявший на службе у монгольских правителей, писал: «Им (то есть битикчи великого хана. – Л.А.) помогают писцы, владеющие персидским, уйгурским, китайским, тибетским, тангутским и другими языками, поскольку, куда бы ни направлялся указ, он должен быть написан с использованием языка и письма живущего там народа» [1, с. 440]. Об этом же сообщает Рашид ад-Дин: «Из всех народностей <при них> состояли на службе писцы, знавшие по-персидски, -уйгурски, -китайски, -тибетски, дабы в случае, если для какого-либо места пишут указ, писали бы его на языке и письме того народа» [2, с. 140].

¹ Монг. Yeke Mongol ulus (Великое Монгольское государство).

Привлечение местных кадров для служения новой власти было закономерным явлением. Как уже упоминалось, монгольский язык имел весьма ограниченное распространение, поэтому было далеко не просто найти человека, который владел бы монгольским языком [3, с. 308]. Несмотря на это обстоятельство, Чингизиды весьма успешно преодолевали эти трудности, привлекая на службу людей, владевших несколькими языками¹, а в некоторых случаях, в частности в восточных областях *Pax Mongolica*, создавались специальные учебные заведения по подготовке из числа канцелярских работников знатоков монгольского языка и уйгурской графики [5, с. 143]. К сожалению, мы не имеем сведений о деятельности подобных заведений в западных областях, то есть в Улусе Джучи².

Очевидно, что в Улусе Джучи посредническим звеном между монголами и представителями других народов было тюркоязычное население. Тюркский язык (различные его диалекты) находил свое применение не только в делопроизводстве, но и как язык тюрко-монгольского межэтнического общения³.

Незначительность монголоязычных письменных памятников на территории Улуса Джучи позволяет нам утверждать об ограниченном применении монгольского языка. Монгольский язык, надо полагать, использовался большей частью для установления связей с монгольскими улусами и коренным юртом империи [8, с. 100]. Вероятно, что в Улусе Джучи, впрочем как и в остальных частях Монгольской империи, наблюдается процесс вытеснения монгольского языка из делопроизводственной сферы. Чингизиды постепенно подвергаются языковой ассимиляции. Ускорению этого процесса, в Улусе Джучи, способствовала этнокультурная близость монголов и тюрков, а также давние политические и культурные контакты этих народов. При этом надо учесть тот факт, что монгольская администрация Улуса Джучи не предпринимала особых мер по расширению сферы применения монгольского языка, скорее наоборот. В то же время эти процессы уже мало зависели от могущественных монгольских правителей, которые, вероятно неплохо говорили по-тюркски.

Факт применения тюркского языка в монгольских канцеляриях зафиксирован в сочинении египетского автора Ибн Абд аз-Захыра, в котором говорится: «Главный кади, находившийся при нем (Берке. – Л.А.), перевел послание и послал список Кану; письмо султана было прочтено *по-тюркски* (курсив наш. – Л.А.) лицам, находившимся при нем» [9, с. 45].

Можно предположить, что именно на данном этапе развития Улуса Джучи формируется собственно джучидский официальный письменный язык. Уйгурский деловой язык, который активно применялся в имперской администрации⁴, подвергается воздействию местных языков, в особенности влиянию кыпчакского

¹ Матвей Парижский (ок. 1200–1259) в своей «Великой хронике» (1240–1259 гг.) рассказывает о некоем англичанине, владевшем несколькими языками и находившемся на службе у монголов [4, с. 150].

² Очевидно, в большинстве своем основы уйгурского письма осваивали самостоятельно. Ата-Мелик Джувайни сообщает о самостоятельном изучении уйгурского письма Коргузом и Аргуном, которые впоследствии стали крупными сановниками Монгольской империи [1, с. 349, 362].

³ Свидетельством этому могут служить выводы современных лингвистов (см. [6]). В историографии также существует предположение о том, что и сам Чингиз-хан владел тюркским языком [7, с. 288].

⁴ Марко Поло, долгое время находившийся на службе великого хана Хубилая, сообщает следующее: «Велел великий хан изготовить на *турском* (курсив наш. – Л.А.) языке грамоты для отправки к апостолу, передал их братьям и тому князю» [10, с. 195]. Здесь также уместно вспомнить письмо Гуюка папе Иннокентию IV, датированное 1246 г., часть оборотов мотивировочной статьи которого было написано по-тюркски.

и огузского. Деловой язык молодого государства находился еще на стадии становления, поэтому он был подвержен сильному влиянию со стороны местных литературных канонов. Активному их сближению также способствовала близость литературных традиций, существовавших в предмонгольский период. Постепенно официальный язык Улуса Джучи приобретает нормативный характер.

Следует отметить, что тюркская языковая дифференциация в эпоху Средневековья была не столь выразительна, как на современном этапе. В большинстве своем тюркское население огромного евразийского континента без особого труда понимало друг друга. Некоторую сложность, видимо, представлял лишь письменный литературный язык, в особенности если он был насыщен арабо-персидскими заимствованиями (у народов, принявших ислам).

Можно также предположить, что и в дипломатической переписке джучидская канцелярия использовала тюркский язык¹. Понятно, что столь стремительно возникшая держава доселе неизвестных монголов должна была породить естественный к ним интерес. Но до возникновения империи Чингиз-хана о монголах в средневековом мире мало что было известно. Монгольский язык не был языком, активно использовавшимся в дипломатической сфере. В отличие от монгольского, тюркский язык был известен в большинстве стран, находящихся в дипломатических и иных контактах с Улусом Джучи.

Арабские авторы, оставившие нам богатый материал о дипломатических связях Египта и Улуса Джучи, языком этой переписки называют монгольский². Основываясь на данных этих источников, некоторые исследователи делают однозначный вывод о том, что языком переписки этих стран был монгольский. По мнению М.А. Усманова, данное утверждение является результатом «поверхностного прочтения и ошибочного перевода арабских текстов, с одной стороны, и недостаточного учета неарабских сведений – с другой. У ал-Умари и ал-Муhibби, на которых с большим доверием ссылаются историки, сказано лишь «по-монгольски» (бил-магули), но не указаны конкретно ни на язык, ни на письменность. Биограф Калавуна также не конкретен – «написанное по-монгольски». Но именно здесь В.Г. Тизенгаузен допустил вольность, переводя фразу как «послание на монгольском языке». Бейбарс и Ибн ал-Форат пишут конкретнее: «монгольским письмом». Ал-Макризи еще более точен, но В.Г. Тизенгаузен его также переводит несколько упрощенно: «писанное по-монгольски». Следовательно, никто из этих средневековых авторов не говорит конкретно о языке. Только ал-Айни дает точное сведение: «И два письма, одно из них написано по-арабски и другое – на уйгурском языке» [8, с. 95].

Если учесть то обстоятельство что Джучиды использовали уйгурскую графику, то вполне возможно, что именно графика этих писем стала основанием для такого рода утверждений. Вероятнее всего, письма эти были написаны

¹ По мнению арабского историка Амина аль-Холи, послания мамлюкских султанов к кыпчакским правителям чаще всего составлялись на тюркском языке [11, с. 31].

² О монгольском языке посланий, направляемых из Дашт-и Кыпчака, свидетельствуют следующие авторы: ал-Малик ал-Мансур Калавун, Рукн ад-Дин Бейбарс, Ибн Фадлаллах ал-Умари, ал-Муhibби, Ибн ал-Форат, ал-Макризи (см. [9]).

уйгурским шрифтом на уйгурском (то есть тоже тюркском) языке, который был понятен мамлюкским правителям и хорошо известен в Египте¹.

Определенную информацию по данному вопросу можно почерпнуть из лексикографических материалов. На сегодняшний день науке известно несколько словарей, отражающих этнокультурную ситуацию в Мамлюкском Египте в XIII – начале XIV вв. [12–19]. Эти материалы свидетельствуют о широком распространении в Египте тюркского языка. Лексикографические данные в большинстве своем отражают тюркскую лексику, что является своего рода показателем степени использования этого языка в дипломатической переписке. На сегодняшний день известно лишь несколько словарей, отражающих монгольскую лексику². В то же время следует заметить, что в этих словарях монгольская лексика по сравнению с остальными языками представлена очень скудно, тогда как тюрко-арабские и арабо-тюркские словари в количественном и качественном отношении превосходят соответствующие монгольские. Помимо этого науке известны труды, посвященные грамматике тюркских языков [15, с. 66; 16].

Известно, что в словаре Codex Cumanicus также отсутствует монгольская лексика (см. подробнее [20–23]). Указанный словарь является ярким свидетельством, определяющим значение тюркского (кыпчакского) языка в Улусе Джучи. Следует помнить о том, что еще до монгольских завоеваний кыпчакский язык становится своего рода *lingua franca*, более того, после установления власти Джучидов на широких просторах Дашт-и Кыпчака значение кыпчакского языка еще более возрастает. Кыпчакский язык находит свое широкое распространение и среди других народностей. Так, крымское армянское и караимское сообщества переняли этот язык и сохраняли его на протяжении ряда столетий (см. подробнее [24–25]).

По мнению известного лингвиста Л. Лигетти, тюркская колонка этого словаря использовалась для контактов на высоком уровне с монголо-татарской верхушкой [20, с. 11]. Исследователь Я.Р. Дашкевич, говоря о языковой ситуации в Крыму золотоордынской эпохи, отмечает, что «нотариальные акты Кафы 1289–1290 гг. еще задолго до расцвета города в 20–30 гг. XIV в. много раз упоминают переводчика генуэзской общины Пьетро де Милано, владевшего, по видимому, греческим, сирийским (арабским?) и татарским – по крайней мере, он присутствовал в нотариате, когда записывались акты с участием лиц этих народностей. Кроме него в роли переводчика упоминается еще 24 лица, владевшие греческим, сирийским, арабским, армянским, аланским и немецким языками» [23, с. 80]. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в этих актах не упоминаются переводчики с монгольского языка, а под татарским языком

¹ Египетский историк Амин ал-Холи пишет: «Калаун, ставший султаном после многолетнего пребывания в Египте и Сирии, не знал арабского языка, хотя хорошо говорил по-тюрки. Бейбарс, предшественник Калауна, не мог обходиться без переводчика с арабского языка. <...> Правда, некоторые знавшие арабский язык мамлюки отказывались говорить на нем. <...> Поскольку мамлюки правили страной, многие арабы, стремясь заслужить их расположение, учились говорить по-кыпчакски. Язык мамлюков старались изучать как те, кому это было необходимо по роду занятий, так и те, кто стремился снискать милость мамлюков. Переводчики заняли видное положение в обществе» [11, с. 30–31].

² Одним из самых ранних из известных нам словарей является тюрко-персидский и монголо-персидский словарь «Мукаддимат ал-адаб» (см. [14]).

здесь понимается тюркский язык местного населения¹. Эти материалы, как видим, подтверждают наши выводы относительно ограниченности сферы применения монгольского языка. Этноязыковая среда Дашт-и Кыпчака определила функциональное развитие лишь одного из официальных языков государства.

В том случае, если монгольский язык на протяжении ряда десятилетий использовался в официальной переписке, то он должен был соответствующим образом отразиться в словарных материалах. Мы же наблюдаем совершенно иную картину, практически во всех словарях наряду с монгольской лексикой имеются тюркские разделы, которые значительно превосходят монгольские в количественном и качественном отношении.

Определенную информацию могут дать антропонимические материалы. В источниках упоминаются имена глав и членов посольских миссий. В большинстве своем их имена имеют тюркское и арабо-мусульманское происхождение или же тесно связаны с тюркской языковой средой. Например, Рукн ад-Дин Бейбарс сообщает о руководителе султанского посольства к правителю Берке Сейф ад-Дине Кушарбеке ат-Тюрки [9, с. 53]. У этого же автора находим имена руководителей посольства, прибывшего из Улуса Джучи: «В 1284 г. прибыли в Египет послы от Тудаменгу... Они были из Кыпчацких правоведов; один из них назывался Меджеддин Ата, а другой Нуреддин» [9, с. 56]. Ал-Муфаддаль оставил нам сведение о послых Берке, имя одного из которых – Изз ад-Дин ат-Туркмани [9, с. 91]. Ан-Нувейри в своей энциклопедии упоминает имена египетских послов Шамс ад-Дина Сонкора ал-Гутми и Сейф ад-Дина Балабана, окольничего тюркского, а также эмира Ала ад-Дина Айдогды ал-Харезми [9, с. 75, 83].

В вышеобозначенный период монгольский язык был первенствующим официальным языком Улуса Джучи, прежде всего в политико-престижном плане, но основным языком официального делопроизводства являлся тюркский язык, применение которого не противоречило традициям канцелярского дела Чингизидов. По этой причине происходит столь плавное и беспрепятственное вытеснение монгольского языка из джучидского делопроизводства. Таким образом, можно утверждать, что тюркский язык использовался в официальном делопроизводстве Улуса Джучи наряду с монгольским и, скорее всего, имел официальный статус.

Summary

L.F. Abzalov. The Turkic Language in the Official Chancellery Practice of the Ulus Juchi in the 13th century.

This article defines the role of Turkic language in the official chancellery practice of Ulus Juchi. The predominance of Turkic population in Ulus Juchi, along with close ethnocultural contacts and Genghisid's policy contributed to the establishment of the official status of Turkic language in 13th century.

Key words: Ulus Juchi, Turkic population, official chancellery practice.

¹ Во второй части Codex Cumanicus говорится о кыпчакском языке как о татарском: «tatar tilgä koneldi» [20, с. 229].

Литература

1. *Джувейни Ата-Мелик*. Чингизхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с англ. на рус. Е.Е. Харитоновой. – М.: Магистер-Пресс, 2004. – 689 с.
2. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. II. – 248 с.
3. *Sinor D.* Interpreters in Medieval Asia // *Asian and African Studies. Journal of the Israel Orietal Society*. – 1982. – V. 16, No 3. – P. 321–336.
4. *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX – XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. – М.: Наука, 1979. – 326 с.
5. Хэй-да ши-люе («Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина) / Публ. и коммент. Линь Кюн-и, Н.Ц. Мункуева // *Проблемы востоковедения*. – М., 1960. – № 5. – С. 133–158.
6. *Харькова С.С.* Тюркские заимствования в монгольских языках как следствие билингвизма их носителей // *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Тр. междунар. конф.: в 3 т.* – М.: НПО «ИНСАН», 1992. – Т. 1. – С. 163–165.
7. *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. – Wiesbaden: Otto Harasowitz, 1965. – 638 s.
8. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-а, 1979. – 318 с.
9. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения / Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. – М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. – 448 с.
10. *Карпини Дж. дель Плано*. История монгалов. – М.: Мысль, 1997. – 461с.
11. *Амин Аль-Холи*. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. – М.: Изд-во Вост. лит., 1962. – 40 с.
12. *Мелиоранский П.М.* Араб-филолог о турецком языке. – СПб., 1900. – 207 с.
13. *Зайончковский А.К.* Арабо-кипчакский словарь из эпохи государства мамлюков // *Сообщения польских ориенталистов*. – М., 1961. – С. 36–44.
14. *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Ч. 1–2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 451 с.
15. *Хаков В.Х.* Тел – тарих көзгесе (Татар әдәби теленен үсеш тарихыннан). – Казан: Тат. кит нәшр., 2003. – 295 б.
16. *Наджип Э.Н.* Заслуги арабских филологов в области изучения тюркских языков // *Семитские языки*. – М.: Наука, 1965. – С 617–626.
17. *Исламов Р.Ф.* Алтын Урда һәм мәмлүкләр Мисыры: язма мирас, мәдәни багланьшлар. – Казан: «Фикер», 1998. – 250 б.
18. *Mustafa Safran.* Yaşadıkları sahalarda yazılan lugatlara göre kuman / Kıpçaklarda siyasi, iktisadi, sosyal ve kültürel yaşayış. – Ankara, 1993. – 212 s.
19. *Гайнутдинова Г.Р.* Историко-лингвистический анализ тюрко-татарского письменного памятника XIV века Джамал ад-Дина ат-Турки «Китабу булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л кифчак»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 27 с.
20. *Codex Cumanicus / Ed. by G. Kuun with the prolegomena to the Codex Cumanicus by L. Ligetti.* – Budapest, 1981. – 396 p.

21. *Малов С.Е.* К истории и критике Codex Cumanicus // Изв. АН СССР. Отд. гуманитар. наук. – 1930. – С. 347–374.
22. *Махмутова Л.Т.* Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики // Исследования по истории диалектологии татарского языка. – Казань, 1982. – С. 68–153.
23. *Дашкевич Я.Р.* Codex Cumanicus – вопросы возникновения // Вопр. языкознания – 1985. – № 4. – С. 72–83.
24. *Гаркавец А.* Кыпчакское письменное наследие. Т. I. Каталог и тексты памятников армянским письмом. – Алматы: Дешт-и-Кыпчак, 2002. – 1084 с.
25. *Гаркавец А.* Кыпчакское письменное наследие. Т. II. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков. – Алматы: КАСЕАН; Баур, 2007. – 912 с.

Поступила в редакцию
12.05.08

Абзалов Ленар Фиргатович – аспирант кафедры истории и культуры татарского народа Казанского государственного университета.
E-mail: len_afzal@mail.ru